

Г.Л. Каменский

Поэтика и язык повести

Стилю многих произведений 1920-х годов свойственно смешение классического литературного слова с разговорной речью, плакатными штампами, политическими лозунгами, диалектными словами, а также с неологизмами, рожденными революциями, коллективизацией и индустриализацией. Платоновский стиль письма не стал исключением, однако, писатель создал свой самобытный «косноязычный» стиль, на котором говорят не только его герои, но и сам автор. При этом описываемые события принимают порой трагикомическую окраску. «Мое... серьезное (смешное по форме) — остается главным по содержанию навсегда, надолго», — признается Андрей Платонов.

Одним из важнейших комических приемом в поэтике Платонова является использование так называемых избыточных фраз, встречающихся в речи малограмотных людей. С одной стороны, этот прием отображает своеобразие современного писателю языка, с другой — делает речь героев необычайно колоритной и сочной. Фразы, типа: «от душевного смысла улучшилась бы производительность», «соревноваться на высшее счастье настроения», «спал, наевшись ужином», «начал падать пролетарской верой», «пролетариат живет для энтузиазма труда» карикатурны с точки зрения языковой нормы, но совершенно органичны в контексте всей повести, отразив на лексическом уровне, по мнению Платонова, «бред продолжающейся жизни».

Кроме того, герои «Котлована» используют слова, смысл которых им не совсем ясен, поэтому диалоги теряют настоящую смысловую нагрузку. Получается, что люди, плохо понимая друг друга, говорят на разных языках или точнее на «обезьяньем языке», который высмеивал Михаил Зощенко в своих рассказах.

«— Не трожь его, — определил Чиклин, — мы все живем на пустом месте, разве у тебя спокойно на душе?»

Сафронов, любивший красоту жизни и вежливость ума, стоял с почтением к участи Вощева, хотя в то же время глубоко волновался: не есть ли истина классовый враг? Ведь он теперь даже в форме сна и воображенья может предстать!

— Ты, товарищ Чиклин, пока воздержись от своей декларации, — с полной значительностью обратился Сафронов. — Вопрос встал принципиально, и надо его класть обратно по всей теории чувств и массового психоза».

Использование комических приемов помогает автору передать ироническое, если не саркастическое, отношение к развивающимся в повести событиям, и не отвлекает читателя от трагической проблематики «Котлована».

Помимо этого, в повести много авторских неологизмов («общепролетарский», «уныло-предвидящий») и неожиданных эмоционально окрашенных словосочетаний, определений, противопоставлений или сравнений («муха... как жаворонок под солнцем», «тело шумело в питающей работе сна», «внутри всего света тоска, а только в нас одних пятилетний план», «с терпением любопытства», «обязанность радости», «тщательные глаза»). Платонов также использует так называемый прием «сдвига в логике», когда неожиданно для читателя происходит смена понятий или прерывается логическая цепочка, образуя несуразные фразы: «угольщики... с телег пропагандировалось молоко», «левацкое болото правого оппортунизма», или диалоги:

« — Я б давно записался, только зою сеять боюсь.

— Какую зою? Если сою, то она ведь официальный знак!

— Ее, стерву».

Писатель вплетает в языковую картину повести не только прибаутки («Живи храбрее — жми друг дружку, а деньги в кружку»), но и агрессивно-пародийные политические лозунги, им самим созданные («Мы должны мобилизовать крапиву на фронт социалистического строительства!», «Вызываю вас соревноваться на высшее счастье настроеня!», «Каждый трудящийся должен помочь скоплению снега на коллективных полях!»).

Отличительными особенностями художественного языка Платонова являются грамматические и синтаксические нормативные «сдвиги», когда смысловые границы слова или словосочетания необходимо воспринимать не только как состояние человека, но и окружающего его мира. Автор добивается подобного эффекта заменой одной части речи на другую, например, обстоятельства на определение: «дать немедленный свисток». Признак действия нередко заменяется на признак предмета: по правилам, следует написать «немедленно дать свисток», но тогда это уже был бы не Платонов, так как для поэтики языка писателя важно качественное состояние предмета, а не производимое действие.

И. Бродский пишет:

«Первой жертвой разговоров об Утопии — желаемой или уже обретенной — прежде всего становится грамматика, ибо язык, не поспевая за мыслью, задыхается в сослагательном наклонении и начинает тяготеть к вневременным категориям и конструкциям; вследствие чего даже у простых существительных почва уходит из-под ног и вокруг них возникает ореол условности... Таков, на мой взгляд, язык прозы Андрея Платонова, о котором с одинаковым успехом можно сказать, что он заводит русский язык в смысловой тупик или — что точнее — обнаруживает тупиковую философию в самом языке».

Вот эту «тупиковую философию языка» попробуем разъяснить на примере одного предложения:

«Вощев, как и раньше, не чувствовал истины жизни, но смирился от истощения тяжелым грунтом и только собирал в выходные всякую несчастную мелочь природы как документы беспланового создания мира, как факты меланхолии любого живущего дыхания».

Предложение состоит из парадоксально составленных и подобранных словосочетаний. Уже первый оборот «не чувствовал истины жизни» вызывает странные ассоциации: можно, например, чувствовать голод или страх, то есть те ощущения, которые связаны с физической или психической жизнедеятельностью человеческого организма, но говорить, что можно чувствовать или не чувствовать «истину», значит, низводить ее из категории абстрактных понятий в категорию ощущаемых, предметных. По Платонову, выходит, что если истину нельзя потрогать, то, во всяком случае, можно почувствовать как голод. «От истощения тяжелым грунтом» — не менее странное словосочетание. Истощение обычно наступает от недоедания или от тяжелого труда, а у Платонова получается, что герой истощен, потому что он питается землей, которой стало недостаточно для того, чтобы насытиться, либо земля питается им. Несмотря на это, надо сказать, что в контексте всей повести и первое, и второе — верно. Словосочетание «несчастную мелочь природы» наполнено неизмеримой грустью. Автор как бы указывает на пустоту и омертвление не только человеческой души в «общепролетарском доме», но и самой природы: «факты меланхолии любого живущего дыхания». По большому счету, практически каждая строчка повести пронизана всеобщей пустотой, увяданием и смертью: «на безлюдной дороге», «умерший, палый лист», «мертвый строительный материал», «умершая трава», «чуть живущий свет», «ни одна тварь... не жила, — ...ни крыса, ни червь, ничто». И далее по предложению — «документы беспланового создания мира» — тут мы подходим к прямому философскому смыслу повести «Котлован», заключающемуся в противопоставлении творящегося «планового» беспредела тех лет Божественному плану создания мира, который пытались переkreить большевики, уверенно «строящие» всеобщий Рай на Земле. Таким образом, каждое слово у Платонова следует понимать в контексте не только предложения, но и всего произведения.

«Своим парадоксальным языком и способом выражения идеи он (Платонов) устанавливает особые отношения между мышлением и временем. Язык Платонова, внешне неясный, вызывающий своей безусловной независимостью от норм и правил различные истолкования, в содержательных моментах близок глубинным интуициям русской духовной мысли. В ней угадываются полнота первичного Слова. Платонов следует за ним, в полной мере обладая его энергией и, в особенности, смыслом», —

пишет литературовед А. Дырдин.